

республики Варфоломеевская ночь – это средство упрека, а для консерваторов, монархистов и католиков – целесообразная политическая мера. Историческое событие стало использоваться конфликтующими сторонами как средство легитимации своего мнения.

Источники и литература

1. Delon M. La Saint-Barthélemy et la Terreur chez Mme de Staël et les historiens de la Révolution au XIXe siècle // *Romantisme*, 1981, № 31.
2. Chateaubriand F.-R. *Études Historiques // Oeuvres complètes*, Imprimerie et Fonderie de Rignaux, 1836. vol. IV.
3. Chateaubriand F.-R. *Mémoires d'outre-tombe*, 1849.
4. Vaillant A., Bertrand J.-P. Régnier P. *Histoire de la littérature française du XIXe siècle*. – Paris, Nathan, 1998.
5. Villers C. *Essai sur l'esprit et l'influence de la réformation de Luther*. –Paris, 1820.
6. Glaudes P. *Chateaubriand et le Protestantisme» // Bulletin - Société Chateaubriand*, année 2008, № 51. 2009.
7. Madame de Staël. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*. Paris, 1988.
8. Maistre J. *Réflexion Sur Le Protestantisme // Oeuvres Complètes*. Genève, 1979.
9. Puaux F. *Histoire de la Réformation française*. Paris, 1860. vol. II.

© Ковин В.В., 2017

УДК 303.446.4(430)

ТЕОДОР КЁРНЕР: «ГЕРОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. И. Голотина

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: alena.golotina@mail.ru

На примере образа немецкого поэта-патриота Теодора Кёрнера в статье анализируется актуальное направление современных немецких исследований: изучение модели «героического» поведения, явления героизма и героизации эпохи наполеоновских войн. Выделяется господствующая в современной немецкой историографии точка зрения о функциях, роли и характерных чертах «героической» модели поведения начала XIX в.

Ключевые слова: герои войны, Наполеоновские войны, немецкая историография.

A. I. Golotina

THEODOR KÖRNER: "THE WAR HERO" IN MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: alena.golotina@mail.ru

The article analyzes the topical direction of the modern German researches using an image of German poet-patriotic Theodor Kerner as an example. There are studying the model of «heroic» behavior, the phenomenon of heroism and the Napoleonic Wars heroization. The attention is paid for the prevailing point of the modern German historiography, which is about the functions, roles and characteristics of the "heroic" behavior at the beginning of the XIXth century.

Key words: the war heroes, the Napoleonic Wars, German historiography.

Теодор Кёрнер – поэт, личность которого известна не каждому россиянину. Все, что написано о нем сегодня на русском языке, можно уместить в пару заметок на различных сайтах и несколько статей в литературных энциклопедиях. В интернете можно найти разрозненные части того литературного наследия, которое оставил этот немецкий поэт начала XIX в. Однако в немецкоязычном пространстве он куда более известен. Почему немецкие

историки, занимающиеся проблемами немецкой истории начала XIX в., столь охотно обращаются к Кёрнеру, к его творчеству, тому следу, который он оставил в немецкой истории? На основании исследований о Кёрнере, мы пытаемся проанализировать одно из актуальных направлений в современной немецкой исторической науке.

Теодор Кёрнер родился в 1791 г.; был поэтом, драматургом, захваченный чувством патриотизма ушел на войну в 1813 г. и, сражаясь в рядах фрайкора Лютцова, убит 26 августа 1813 г. в битве при Гадебуше. Имя Т. Кёрнера прочно закрепилось в перечне героев Освободительной войны 1813–1815 гг., а его поэтическое наследие надолго пережило своего создателя. Он стал героем войны, и в этой роли он и изучается сегодня.

Прежде всего, следует понять, какими смыслами наполняют понятие «герой», «герой войны», «героизм» современные немецкие историки, каковы признаки такого героя, когда и как он появился. Применительно к XVIII в. исследователи говорят о непопулярности у среднего класса войны, а, вместе с тем, и героев, которые она порождает [8, с. 44]. Сам термин «герой» использовался в большей степени дворянством и военной верхушкой, а если о «героях» задумывались представители интеллектуальных кругов, то для них он должен был быть образованным патриотом, принадлежавшим к среднему классу. В идеале отечеством такого патриота являлась Республика, а сам герой был солдатом, защищавшим свою страну и гражданские права против внешнего врага. Позднее вопрос перейдет в спор между буржуазией и прусской короной о том, за что должен умирать герой: за существующую монархию или за конституционное государство [8, р. 21].

После разгрома прусских войск в 1807–1808 гг. и реформ, проведенных в прусской армии, восприятие образа героя изменилось. По мнению немецкого историка Р. Шиллинга, ключевым моментом для такого рода изменений стала реорганизация армии в ходе реформ Штейна-Гарденберга. Военная реформа помогла создать в Пруссии боеспособную национальную армию [8, с. 53–55]. Именно к этому периоду немецкой истории автор и приурочил изменения, произошедшие в трансформации наполнения понятия «герой». Герой приравнивался к простому гражданину, в то время как простой гражданин мог стать героем. Схожий по смыслу тезис можно увидеть в материалах научно-исследовательского центра «Герои – героизации – героизмы» при Фрайбургском университете. В частности, в работе «Героическое в современных культурно-исторических исследованиях: критический доклад» имеется тезис о том, что в XIX и XX вв. преобладали военные герои, но монархический и аристократический «герой» был заменен «рядовым солдатом» и «неизвестным солдатом» [4, р. 49].

Военный герой должен приносить жертву, между ним и смертью существует тесная связь, что отмечает и Шиллинг, и исследователи из Фрайбургского университета. Такая тесная связь имеется и между понятиями «жертва», «герой» и «мученик» [4, р. 73]. Главная функция такого героя: умереть, чтобы поддержать волю как солдат, так и гражданского населения и укрепить коллективную идентичность воюющей стороны, а также закрепить основополагающие ценности [4, р. 60]. То есть герой войны должен мобилизовать людей, что потом на практике выражается в памятных и юбилейных торжествах или в популярности соответствующих биографий.

В том же году, что и работа Шиллинга (2002) вышла монография Карен Хагеманн «„Миф мужества и немецкая честь“: нация, военные и гендер во время антинаполеоновских войн в Пруссии» [6], в которой автор, помимо военной и национальной истории Пруссии, пропаганды, коллективных практик в обозначенный период рассматривает и аспекты героизации. Хагеманн отмечает, что старая немецкая историография превращала «героев Освободительной войны» в образцы для всех последующих поколений, а также «всякий раз, когда готовность к обороне и самоотверженность населения должна была быть усилена, воспоминания держались на „немецком героическом времени Освободительной войны“» [6, р. 48]. Обращается Хагеманн и к распространенному в тот период образу молодого героя, который добровольцем ушел на освободительную войну и умер за Отечество. Идеальным примером такого героя, конечно же, становится Т. Кёрнер [6, р. 331].

На этих примерах мы можем увидеть, что Т. Кёрнер прекрасно вписывается в тот образ

героя, который был востребован в начале XIX в. и оказался в центре при формировании в последующем культе почитания подобного героя: молодой талантливый патриот, отдавший жизнь за Отечество в бою. Он одновременно и жертва, и мученик, и герой. Эта модель поведения подается в некоем романтическом ключе, причем она воспевалась и самим Кёрнером. Стоит взглянуть на стихи поэта, и мы увидим там тесно связанную друг с другом пару «свобода и/или смерть». Даже его гибель – «последнее мгновение воинствующего поэта» [3, р. 81], стала служить источником героического мифа. Шиллинг приводит тому яркий пример: в журнале посетителей на могиле Теодора Кёрнера в мекленбургском Вёббелине в 1933 г. была оставлена газетная вырезка о жизни и судьбе Пауля Маука, самого юного немецкого солдата, погибшего во время Первой мировой войны. В марте 1945 г. на могиле Т. Кёрнера в Вёббелине были приведены к присяге юноши из Фольксштурма. Они, как Кёрнер или Маук, как «герои», должны были сражаться и умереть.

К поэтическому наследию Т. Кёрнера многие немецкие авторы часто обращаются, чтобы найти там отражение образов других исторических личностей. Так авторы монографии «Историческая мифология немцев: 1798–1918», на пример творчества Кёрнера и еще одного поэта той поры Эрнста Морица Арндта анализируют образ Наполеона во время Освободительной войны [2, р. 22–23]. И, действительно, такие строки, как «Мы клятву дадим здесь, под гулом громов, / Избавить себя от позорных оков, / Избавить отчизну от рабства!» [1] довольно наглядно демонстрируют отношение поэта к той войне, в которой он участвовал и к тем событиям, которые совершались у него на глазах.

Т. Кёрнер остался в немецкой памяти как герой войны, патриот, яростный защитник своей страны, и в таком качестве он воспринимается и «используется» историками. Жизнь Кёрнера интересует историков куда меньше, чем его смерть и та память, которую он после себя оставил. Это яркий пример того, как герой создается, и как в обществе эволюционирует культ его почитания. Сравнительно легко можно найти современные работы, посвященные рецепции образа этого поэта [7] или же описанию на примере творчества Кёрнера определенной героической модели поведения [5, р. 225]. Но куда сложнее найти работу, посвященную ведам его недолгой жизни. По тем темам, которые поднимаются в связи с его личностью, мы можем увидеть, что и в современной исторической науке «Теодор Кёрнер» – это такой же миф, каким он был 200 лет назад.

Источники и литература

1. Шамиссо, Юстинус Кернер, Теодор Кёрнер: избранные стихотворения. URL: <http://www.librapress.ru/2016/08/Adelbert-Shamisso-Justinus-Kerner-Teodor-Kjorner.html>.
2. Bruns K., Parr R., Wülfing W. Historische Mythologie der Deutschen: 1798–1918. München: Fink. 1991. 276 p.
3. Bunk M. Der letzte Augenblick des kämpfenden Poeten. Theodor Körners Tod im Jahr 1813 bei Gadebusch, dargestellt im berühmten Holzstich von Johann Kirchhoff // Clausewitz - Das Magazin für Militärgeschichte. 2014. № 20. P. 80–81.
4. Das Heroische in der neueren kulturhistorischen Forschung: Ein kritischer Bericht. URL: <http://www.hsozkult.de/literaturereview/id/forschungsberichte-2216>.
5. Disselkamp M. Leyer und Schwerdt oder Ahnung und Gegenwart. Zwei Modelle des Heroischen zur Zeit der «Befreiungskriege» // Ästhetischer Heroismus: Konzeptionelle und figurative Paradigmen des Helden. 2014. P. 233–251.
6. Hagemann K. „Männlicher Muth und Teutsche Ehre“: Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der Antinapoleonischen Kriege Preußens. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2002. 617 p.
7. Immer N., Schultz M. Lützows wildester Jäger. Zur Heroisierung Theodor Körners im 19. und 20. Jahrhundert // helden. heroes. héros. E-Journal zu Kulturen des Heroischen, Sonderforschungsbereich 948 „Helden – Heroisierungen – Heroismen“. 2014. № 2.2. P. 69–92.
8. Schilling R. „Kriegshelden“. Deutungsmuster heroischer Männlichkeit in Deutschland 1813–1945. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2002. 436 p.

© Голотина А.И., 2017